

Биоэтическая проблема менеджмента коммуникативного пространства

Лукьянова Н.А., Мелик-Гайказян М.В., Тухватулина Л.Р.

The bioethics questions of the communication space management

Lukianova N.A., Melik-Haikazyan M.V., Tukhvatulina L.R.

Томский политехнический университет, г. Томск

© Лукьянова Н.А., Мелик-Гайказян М.В., Тухватулина Л.Р.

На основании модели информационно-синергетического подхода (И.В. Мелик-Гайказян) исследуются условия управления коммуникативным пространством как самоорганизующейся информационной семиотической системой. Установленные границы встраивания различных моделей коммуникации позволили выявить структуру коммуникативного пространства и определить механизмы управления им.

Ключевые слова: информационно-синергетический подход, коммуникация, управление.

The communication space as self-organization semiotic system was studied. This study was based on the information-synergetic approach model (I.V. Melik-Haikazjan). The limits of different communication models ordering were revealed, what allowed defining the structure of the communication space and the methods of its management.

Key words: the information-synergetic approach, communication, management.

УДК 614.253

Сегодня меняется содержательное наполнение понимания тех действий, которые объединяются понятием «управление». Кардинальность этих изменений наиболее ярко проявляется в условиях России. Особенность комплекса историко-культурных условий России в настоящее время заключается в том, что появляются такие социальные нормы и стандарты поведения, которые требуют от личности быстрой перестройки жизненного опыта, переоценки всей системы действенных ценностей. В стратегии динамического развития страны входит единство самоорганизации и управления. Причем единение упомянутых процессов не опирается в нашей стране на соответствующие этические императивы, поскольку этические и аксиологические запреты не успели войти в практику повседневного поведения. Иными словами, изменение стратегий менеджмента, преодолевающего кризис синергий, произошли у нас столь стремительно, что мы не успели выработать защитные механизмы, которые в зарубежном опыте экономически развитых стран выполняет, в частности, деловая этика. В нашей действительности новые социально-экономические условия привели к тому, что человек, взаимодействуя

с окружающими, не может не манипулировать сознанием других людей, так или иначе влияя на их поведение.

И это осознанная манипуляция, так как манипулятор ставит для себя цель манипуляции.

Но когда механизмы, организующие коммуникативное пространство, ясны, возникает возможность нивелирования негативного воздействия и вне «защитного пояса обычая». В связи с вышесказанным цель данной статьи — рассмотрение управления коммуникативными взаимодействиями в связи с выявленными механизмами самоорганизации коммуникативного пространства. Необходимо отметить, что биоэтическая проблема особенно остро проявила себя именно при семиотической реорганизации коммуникативных практик, навязывающих человеку определенные стандарты и стереотипы.

Любое регулирование предполагает выявление структурных элементов, на которые будет направлено воздействие. Итак, моделирование структуры коммуникативного пространства является необходимым условием для исследования способа управления им.

Выводы о структурной организации коммуникативного пространства базируются на положениях информационно-синергетического подхода, разработанного И.В. Мелик-Гайказян [4]. Этот подход стал продолжением философии процесса А.Н. Уайтхеда, что позволило впервые сформулировать представление о процессуальной природе информации. Данное основание позволяет, во-первых, устанавливать место и определять роль коммуникативных процессов в процессах информационных и, во-вторых, определять границы встраивания разнообразных моделей коммуникации в общую схему информационного процесса [5, 9], что позволяет выявить структурообразующие элементы коммуникативного пространства. В рамках данного подхода обосновывается положением о том, что информационные процессы берут свое начало и протекают только в самоорганизующихся системах. Это существенное положение для наших рассуждений, поскольку в управлении сложными социальными структурами необходимо определение доли спонтанной самоорганизации, т.е. некоторой доли хаоса [3]. Доказано, что информационно-синергетический подход на методологическом уровне устанавливает пересечения теории информации, коммуникации и семиотики [9]. Это, в свою очередь, открывает две принципиальные возможности для понимания способов менеджмента в коммуникативном пространстве и этических ограничений этого управления. Подчеркнем, что оба методологических следствия возникают только на основе концептуальной модели информационного процесса (рисунок).

Первое методологическое следствие позволяет как соединить линию Пирса и линию Соссюра в семиотических исследованиях, так и упорядочить известные модели коммуникаций [9]. Продемонстрируем эту первую возможность. Обращаясь к проблеме выявления структуры коммуникативного пространства, мы с неизбежностью обратимся к практике коммуникативного моделирования.

Коммуникативное моделирование являлось одной из наиболее распространенных форм изучения коммуникативных и коммуникационных процессов. Это доказывается количеством и разнообразием существующих коммуникативных моделей. Их многочисленность делает невыполнимой задачу полного и конкретного описания всех существующих коммуникативных моделей. Понимая невозможность описания в рамках одной работы всего многообразия существующих моделей, авто-

ры статьи обратились к классическим образцам коммуникативного моделирования, подразумевая, что модели, не вошедшие в сферу рассмотрения, являются модификациями, преобразованиями классических моделей.

Известные модели коммуникации (почти восемь десятков) упорядочивались [6, 13] по следующим основаниям:

1) модели, описывающие процесс коммуникации между механизмами. Особенностью моделей данной группы является отсутствие человека как участника коммуникации. Роль человека в данных коммуникативных моделях сводится к роли «наладчика», наблюдателя коммуникативного процесса;

2) модели коммуникации, участниками которых могут быть в равной степени как механизмы, так и люди;

3) к последней группе отнесены модели коммуникации, в которых человек является неотъемлемой частью коммуникации, его личностные, психологические, социальные и иные характеристики определяют течение коммуникативного процесса.

Рассмотрение истории и целей создания моделей коммуникации позволило выделить коммуникативные линии, объединение в которые является, вероятно, наиболее конструктивным методом упорядочивания коммуникативных моделей. Основой данной классификации является группировка моделей (семейство) на основе «родовой», базовой модели коммуникации.

Итак, в соответствии с проведенной классификацией были выделены базовые линии и семейство моделей, разрабатываемых в развитии базовых:

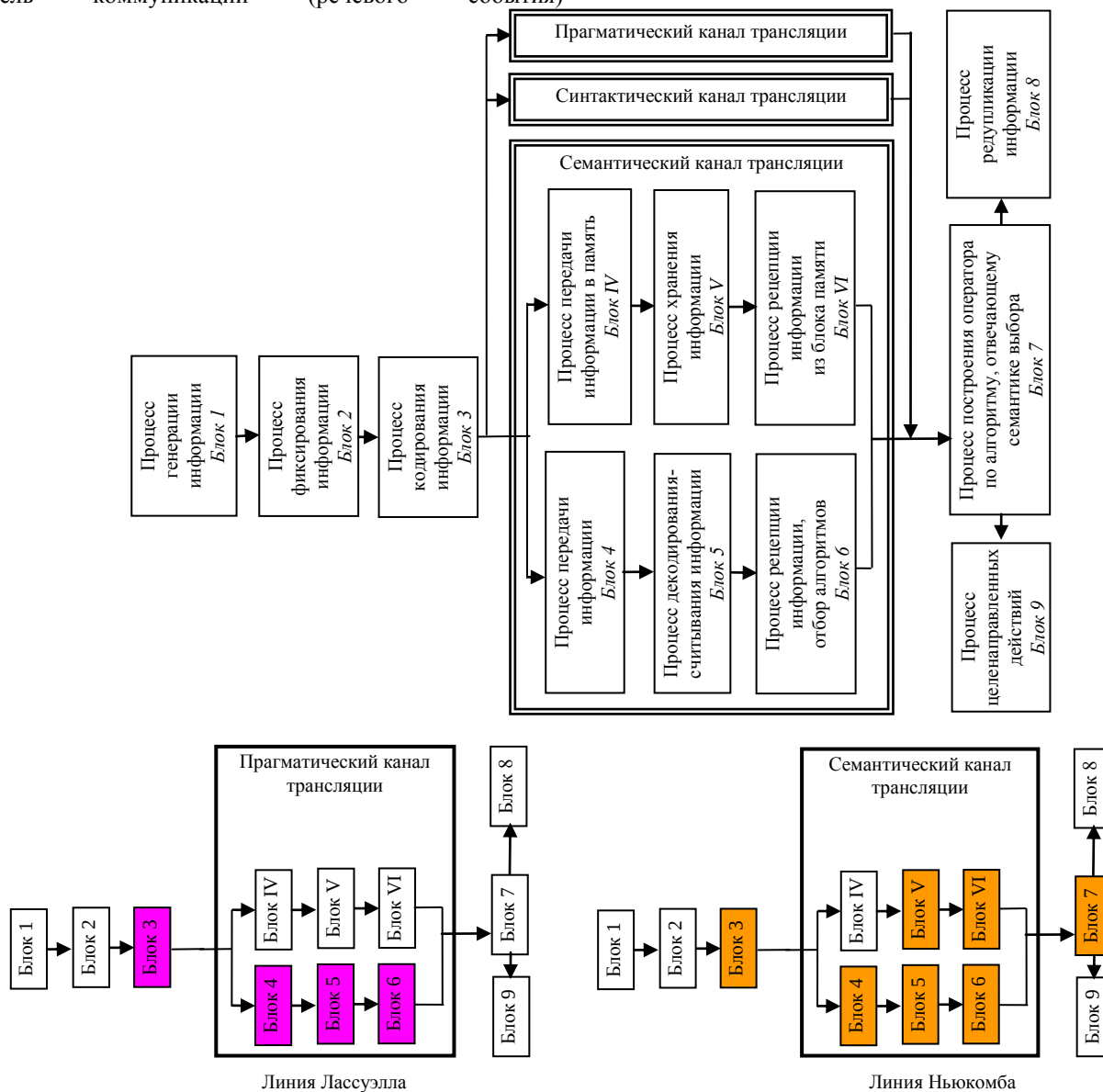
1. *Линия Г. Лассуэлла.* Это модель коммуникативного акта, принадлежащая самому Г. Лассуэллу, а также модели Р. Брэдока, Г. Гербнера, Станфордская модель коммуникативного процесса, именуемая также SMCR-моделью, автором которой является Д. Берло, и нарратологическая модель В. Шмида.

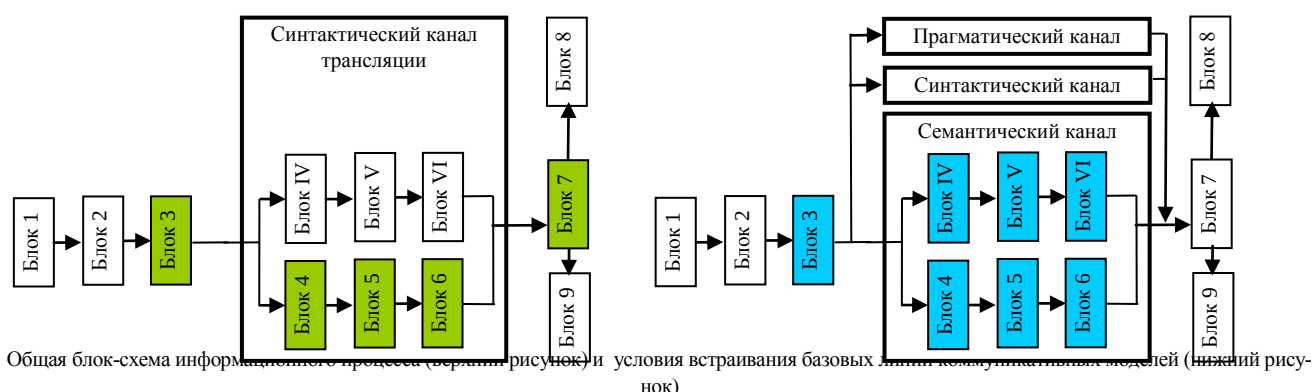
2. *Линия К. Шеннона — У. Уивера.* Представлена моделью К. Шеннона — У. Уивера, а также моделями М. де Флера, Д. Осгуда — В. Шрамма, М. Денса, П. Лазарсфельда и соавт., а также многоступенчатыми моделями Г. Веймана, М. Гранноветтера. Кроме того, линия Шеннона—Уивера включает также маркетинговую модель Ф. Котлера и модель коммуникационного процесса М. Мескона.

3. *Линия Т. Ньюкома.* В эту линию вошли модели Т. Ньюкома, Б. Уэстли — М. Маклина, Дж. и М. Рили, Г. Малецке.

4. Линия семиотических моделей коммуникации (условно — линия Р.О. Якобсона). В нее входят модель коммуникации (речевого события)

Р.О. Якобсона, а также модели Ю.М. Лотмана и У. Эко.

Результатом данных исследований стало встраивание вышеперечисленных линий в общую блок-схему информационного процесса [9]. Таким образом, были установлены место и роль коммуникативных процессов в процессах информационных (см. рисунок), а структура информационного процесса позволила упорядочить компоненты коммуникативных действий.

Кратко опишем данную блок-схему и условия встраивания базовых линий коммуникативных моделей. Основная идея информационно-синергетического подхода связана с необходимостью рассматривать информацию как многостадийный процесс, начинающийся выбором — генерацией информации и заканчивающийся целенаправленными действиями согласно алгоритму, отвечающему семантике информации. Таким образом, информация вполне реальна и объективна только как процесс, процесс выбора и процесс становления [5].

Для целей исследования особое значение приобретают стадии кодирования и рецепции информации. Кодирование выступает как подготовка сообщения для передачи по каналу связи либо пользователю, способному считывать и декодировать информацию, либо в блок памяти для длительного хранения [14]. Рецепторная система — это вариативное использование полученной информации в зависимости от целеполагания реципиента и его тезауруса [7]. Все стадии информационного процесса разворачиваются в информационной системе, вне которой информация не может быть ни принятой, ни переданной, ни использованной. Оператор в информационной системе выступает в качестве механизма целенаправленных действий.

Неотъемлемой частью информационной системы является система семиотическая. По мнению У. Эко, «в тот момент, когда мы сталкиваемся с проблемой передачи информации от одного человека к другому, теория информации становится теорией коммуникации» [15]. В рамках концептуальной модели (см. рисунок) удалось показать структуру коммуникативного пространства. Таким образом, удалось реализовать первую методологическую возможность информационно-синергетического подхода.

Второе методологическое следствие. Положение информационно-синергетического подхода о том, что информация есть многостадийный, необратимый во времени процесс, а следовательно, что в информационном процессе в определенной последовательности чередуются процессы-стадии и их результаты, позволяет видеть механизмы семиозиса. Моделирование данного механизма на основе модели, представленной на рисунке, необходимо для выработки спектра методов управления коммуникативным пространством. «Результатом действия трех процессов — передачи, декодирования, рецепции информации, осуществляемых в трех каналах трансляции, т.е. завершением работы девяти стадий информационного процесса, становится создание разных форм знаков. Эти формы соответствуют девяти подклассам знаков, выделенных школой Ч. Пирса» [8]. Мы попытаемся пояснить это принципиальное для нас утверждение И.В. Мелик-Гайказян. Дело в том, что Пирс определял знак как триадическое отношение, которое вызывает динамический процесс интерпретаций. Его идея бесконечного семиозиса как формы существования знаков была развита его последователями. На основе идей Ч. Пирса У. Моррис ввел «трехмерную семиотику» (тер-

мин К.-О. Апеля) [1], или три уровня семиозиса: 1) семантика, которая характеризует отношение знака к своему объекту; 2) синтактика, включающая отношения знаков друг к другу; 3) прагматика, которая исследует отношения между знаками и теми, кто ими пользуется (интерпретаторы). Эти три основные семиотические функции, или даже три основные семиотические сферы, вытекают из семиотической модели коммуникации. Кроме того, У. Моррис акцентирует внимание на таком свойстве знака, как коммуникативность. Имеется в виду тот факт, что подлинный знак создается живыми организмами с целью его использования в общении. Эти положения, раскрывающие динамические цели коммуникации, стали концептуальными основаниями для выделения каналов трансляции знака [9]. Таким образом, выделенные каналы отвечают природе знака, появляются на стадии кодирования информации согласно целям, которым предназначен оператор, реализующий информацию в социокультурной среде посредством коммуникативного акта.

Анализ многочисленных моделей коммуникативного акта позволил классифицировать их по выделенным выше линиям и показать, как каждая линия (см. рисунок) встраивается в общую модель информационного процесса. Выявлено, что общим признаком моделей линии Лассуэлла является то, что они линейные и происходят в настоящем времени. Кроме того, поскольку данные модели создавались для целей политического управления и базировались на возможностях информационно-пропагандистского воздействия на массовую аудиторию, такое воздействие предполагает определенный, прогнозируемый результат, а следовательно, нацелено на прагматику коммуникации.

Модели линии Шеннона—Уивера — это модели синтактического плана, устанавливающие правила соотнесения различных элементов коммуникативного акта. Они устанавливают правила соотнесения различных элементов коммуникативного акта и вводят человека внутрь коммуникативного процесса, поскольку утверждается, что *коммуникатор* формулирует некоторое смысловое «значение» и способен контролировать, как сообщение влияет на аудиторию. Таким образом, эффективность и смысловая нагрузка коммуникации в моделях этой линии слишком ограничена, поскольку, во-первых, в данной модели все внимание сконцентрировано на умении отправителя готовиться

к передаче послания. Во-вторых, эта модель полностью игнорирует те выводы, которые для себя делает получатель послания. В-третьих, модель не рассматривает особенности вербального сообщения и, таким образом, не может быть пригодной для описания процесса речевой коммуникации.

Поскольку модели линии Ньюкомба основаны на положении, что коммуникация происходит между людьми, обладающими одинаковым тезаурусом, в них подробно рассматривают семантические характеристики коммуникативного акта. Несомненно, модель Ньюкомба крайне интересна, им были сформулированы необходимые условия, при которых будет инициироваться коммуникационный процесс. Она была разработана как подвижная модель коммуникации, отражающая взаимодействие участников коммуникативного акта, особенно в отношении их когнитивного, эмоционального и артистического аспектов.

В моделях семиотической линии все внимание акцентируется не столько на процессе передачи информации, сколько на содержательном аспекте сообщения, тем самым актуализируется трехчленная структура знака.

Итак, блок-схема информационного процесса (см. рисунок) позволила определить границы встраивания каждой модели в структуру коммуникативного пространства.

Коммуникативное пространство как действительность берет начало в процессе кодирования информации, затем информация в лице различных акторов передается, рецептируется, декодируется, строит оператор. Данные информационные процессы пронизаны семиотическими каналами, определенными природой знака. Таким образом, действительность — это множественность путей и множество коммуникативных пространств, образующихся вокруг каждого человека или (и) группы людей как множество событий.

С нашей точки зрения, именно феномен события становится тем связующим элементом, который соединяет различные стадии информационного процесса в процессах коммуникативных. В самоорганизующейся системе происходящие события имеют такую высокую скорость тиражирования, что становятся когерентными сразу нескольким тысячам других событий. Поскольку «сильно неравновесные необратимые процессы могут быть источником когерентности» [11], в этом случае информационные и семиотические меха-

низмы, образующие структуру коммуникативного пространства, происходят одновременно, часто в опасном сочетании коммуникативного события.

Скажем вслед за П. Рикером, что события, «как и книги, являются произведениями, открытыми множеству читателей. Как и в сфере письма, здесь то одерживает победу возможность быть прочитанными, то верх берет неясность и даже стремление все запутать» [12]. Наблюдатель оказывается непосредственным и единственным актором события. Наблюдатель — это и участник наблюдаемого уже в силу того, что он будет вынужден описывать наблюдаемое им событие. Ведь событие потому и является тем, чем оно является, что его описывает некий наблюдатель. Таким образом, со-бытие, со-действие, целенаправленный непрерывный диалог человека и системы выражаются через процесс непрерывного целеполагания, информационного и деятельностного обмена посредством серии прямых и обратных связей и принятия решений, осуществляющего непрерывное образование «человеко-размерных» систем. Таким образом, понятие события имеет значение в конструировании модели коммуникативного пространства.

Еще в 1990-е гг., конструируя семиотическую интерпретацию истории, Б.А. Успенский писал: «...исторический процесс может быть представлен... как процесс коммуникации, при котором постоянно поступающая информация обуславливает ту или иную ответную реакцию со стороны общественного адресата... В качестве кода выступает при этом некоторый „язык“ (этот термин понимается, разумеется, не в узком лингвистическом, а в широком семиотическом смысле), определяющий восприятие тех или иных фактов... в соответствующем историко-культурном контексте. Таким образом, *событиям приписывается значение* (курсив наш. — Л.Н.)» [14]. Именно процесс приписывания значений является следующим этапом в данных рассуждениях.

Данный процесс мы рассмотрим с позиции семиотики Ч. Пирса, но через «очки» информационно-синергетического подхода. Как уже указывалось выше, понятие «семиозис» является центральной категорией семиотики Ч. Пирса. Оно происходит от греч. *semeiosis*, термина, обозначающего «процесс интерпретации знака», или «*процесс порождения значения*». С точки зрения Ч. Пирса, семиозис — это динамический процесс интерпретации знака, который является

единственно возможным способом функционирования знака. Именно существование процесса семиозиса в теории Ч. Пирса отличает его воззрения от семиологии Ф. Соссюра, в которой знак рассматривается как «недвижимый» элемент системы и определяется в оппозиции (или различии) к другим элементам знаковой системы. В семиотике Ч. Пирса, напротив, знак определяется как триадическое отношение, которое вызывает динамический процесс интерпретации. По мысли Ч. Пирса, знак не функционирует как знак до тех пор, пока он не осмысливается как таковой [14], т.е. должна осуществляться основная характеристика знака, он должен быть интерпретирован, чтобы быть знаком. Таким образом, процесс семиозиса осуществляется благодаря интерпретанте. Каждый знак способен порождать интерпретанту, и этот процесс фактически бесконечен. Если предположить гипотетическое существование самой последней, самой сложной, исчерпывающей и завершающей интерпретанты какого-либо объекта, то эта интерпретанта может быть ни чем иным, как самим объектом, целиком явленным нашему сознанию. Но такой объект, а равно и такой знак как физически тождественные друг другу невозможны и не существуют. Стало быть, процесс интерпретации безграничен. На этом постулате основана идея Ч. Пирса о неограниченном семиозисе, или бесконечной регрессии, в терминологии У. Эко. «Так как каждый знак производит интерпретанту, которая, в свою очередь, является репрезентантом следующего знака, процесс семиозиса оказывается «последовательным рядом интерпретант» [10]. Итак, семиозис «включает в себя две одинаково важные части: производство знаков и их интерпретацию» [2].

Таким образом, для целей данного исследования центральными являются положения семантико-прагматической теории У. Эко, которую он строит, опираясь на творческое наследие Ч. Пирса, однако природу знака рассматривает в русле теории коммуникации. «Семиология, — пишет он, — рассматривает все явления культуры как знаковые системы, предполагая, что они таковыми и являются, будучи, таким образом, также феноменами коммуникации» [16]. У. Эко использовал термин «семиология», следуя сосюрской (европейской) традиции употребления термина, и, так же как Ф. Соссюр, определял знак как объединение означаемого и означающего. Однако нововведением У. Эко было обоснованное включение в

эту связь категории кода, под которым он понимает «...систему вероятностей, которая накладывается на равновероятность исходной системы, обеспечивая тем самым возможность коммуникации» [16]. Итак, в представлении У. Эко, означаемое — это «то, что благодаря коду вступает в семиологические отношения с означающим. Иными словами, благодаря коду определенное означающее начинает соотноситься с определенным означаемым» [16]. Означающее для У. Эко становится смыслопорождающей формой. «Связь означаемого и означающего произвольна, — повторяет У. Эко мысль Ф. Соссюра, — но навязана языком, который... является кодом» [16]. В контексте данного утверждения «означаемое уместно определить как то, что благодаря коду вступает в семиологические отношения с означающим» [16].

Итак, семиология У. Эко во многом является продолжением соссюровских идей, однако вопреки Ф. Соссюру он утверждает, что не лингвистику следует считать разделом семиотики, а наоборот, «семиологию — отраслью лингвистики, ибо невербальные знаки получают значения благодаря словесному языку» [16]. Именно в концепции У. Эко удачным образом сочетается семиотика Ч. Пирса и Ф. де Соссюра.

Значительное место в концепции У. Эко занимает категория семиозиса. Для У. Эко семиозис является социальной деятельностью, кроме того, он также не отрицает, что в семиозис вовлечены субъективные факторы, которые образуют индивидуальный семиозис. Таким образом, семиозис У. Эко «антропогенен», так как нет семиозиса без человека — это либо общественная, либо индивидуальная категория. В результате этого семиозис, как и семиотика в целом, связан с процессами коммуникации. Процесс бесконечного семиозиса начинается с попытки установить интерпретанту (термин Ч. Пирса) того или иного знака. Под интерпретантой У. Эко понимает иной способ представления объекта [16], тогда эту интерпретанту знака можно установить, только если «обозначить этот знак с помощью другого знака, интерпретантой которого будет следующий знак и т.д.» [16]. Интерпретанта гарантирует знаковый характер отношения между А и Б даже в отсутствие интерпретатора. Язык предстает как самоинтерпретирующаяся система в стремлении к постоянному уточнению смысла. Тем самым взаимосвязь коммуникации и семиотики определяется тем, что знаковая природа тех

или иных явлений (т.е. область исследования семиотики) раскрывается лишь в процессе коммуникации. Сам по себе, вне общающихся друг с другом субъектов знак попросту не существует. Общение же (коммуникация) динамично по определению, по самой своей природе.

Итак, в соответствии с этим можно утверждать, что центральной категорией семиотики коммуникации и ее пространства становится семиозис — динамический процесс создания значений, т.е. *означивание* (курсив наш. — Л.Н.). «Когда мы имеем дело с машиной, мы не выходим за рамки кибернетики, а кибернетику интересуют только *сигналы*. Но если в коммуникации участвует человек, то мы должны говорить не о мире сигнала, но о мире *смысла*. С этого момента речь должна идти уже о *процессе означивания*, ведь в этом случае сигнал — это не просто ряд дискретных единиц, рассчитываемых в битах информации, но, скорее, значащая форма, которую адресат-человек должен наполнить *значением* (курсив наш. — Л.Н.)» [16].

Как уже говорилось выше, особую роль в семиологии У. Эко занимают феномены коммуникации, которые в общем и составляют суть семиологических исследований. В изложении У. Эко действие коммуникативной модели таково: в *момент достижения адресата сообщение «пусто», ему «могут быть приписаны самые разнообразные значения* (курсив наш. — Л.Н.) [16], т.е. в момент получения сообщения человек «высвечивает» смыслопорождающий механизм некими фундаментальными кодами, когда на сообщение накладывается код какого-либо языка, начинают опознаваться денотативные значения, сообщение начинает наполняться смыслом, при малейшем изменении обстоятельств рецепции в сообщении могут появиться новые смыслы. В терминах информационно-синергетического подхода можно сказать, что в процессе рецепции информации сообщению «приписывается» определенное значение, т.е. создается интерпретанта — воздействие, в силу которого данный предмет оказывается для интерпретатора знаком. Иначе говоря,

знаки должны быть интерпретированы, чтобы стать значениями. Осуществляется это знание благодаря интерпретанте, т.е. интерпретант — знак, который «создается в уме» реципиента, воспринимающего кем-то уже созданный знак. Реципиент же на основе данного в коммуникации «тела знака» (означающее —

в терминологии Соссюра), интерпретируя его и соотнося со своим опытом, конструирует собственное содержание знака, которое может отличаться от того содержания, которое лежало в начале знаковой операции (процесс кодирования), исполненной отправителем сообщением. Отметим, что рецепторная система понимается авторами статьи как неравновесная диссипативная система, способная под влиянием полученной информации самопроизвольно повышать степень своей упорядоченности. Понятие об информации на стадии рецепции ассоциируется образованием структур, созданием порядка [14]. Таким образом, в процессе рецепции формируется новое значение. Отметим, что принципиальное отличие пирсовской концепции знака от соссюровской состоит в следующем. Знак у Ф. де Соссюра — это «вещь в себе», объект вне какого-либо отношения к субъектам коммуникации, к самой коммуникации, которая только и делает возможной знаковые операции и существование знака как такового. Концепция Пирса восполняет этот существенный недостаток тем, что возвращает знак в сферу коммуникации указанием на субъектов последней: интерпретант — это результат интерпретации данного знака (репрезентамена) реципиентом, который создает свой вариант знака, отличный от варианта, данного адресантом (правда, в приведенном определении продуцент — фигура неэксплицированная). Из этого различия проистекает существенное для теории коммуникаций следствие — каждый знак способен порождать интерпретанту, и этот процесс фактически бесконечен, как неограничен процесс семиозиса.

«Семиозис — это триадическое „действие (action) знака“, процесс, в ходе которого знак оказывает когнитивное воздействие на своего интерпретатора» [10]. Идея семиозиса выражает самую суть отношений между знаком и внешним миром — объект репрезентации существует, но он удален и недостижим, будучи скрыт в череде семиотических медиаций.

Как указано выше, именно с процессом рецепции связана категория интерпретанты, внесем уточнение — *окончательной (final) интерпретанты*. «Она есть то, что было бы определено в конце как истинная интерпретация, если бы рассмотрение вопроса продолжалось до тех пор, пока не будет достигнуто окончательное мнение» [10]. Как отмечал У. Эко, говорить об окончательной интерпретанте можно тогда, когда,

«восприняв ряд знаков, мы изменяем наше поведение, нашу деятельность...» [16].

Окончательная интерпретанта есть точка приостановки (во временном аспекте) семиозиса. При этом окончательная интерпретанта одновременно и *результат*, и *правило*. Как *результат* окончательная интерпретанта проявляется в рецепторной системе и диктует перечень условий, определяющих характер деятельности человека. В качестве *правила* окончательная интерпретанта преобразуется в оператора и создает те институты, которые определяют образ действия субъектов коммуникации, т.е. в процессе создания оператора формируются инструменты и технологии управления. Именно так происходит процесс управления коммуникативным пространством как *процесс означивания событий*. Круг семиозиса замыкается каждый миг и не замыкается никогда [16]. Управление проявляется как результат приписывания нужных значений событиям в процессе рецепции информации. Каждое такое приписывание побуждает людей воздействовать на мир; и «каждое такое преобразующее воздействие, в свою очередь, всегда и непременно само превращается в новые знаки и кладет начало новому процессу семиозиса» [16].

Итак, в процессе исследования проблемы управления коммуникативным пространством были определены механизмы управления как внешнего воздействия на коммуникативное пространство. Их действие таково: коммуникативное пространство существует в процессах кодирования, передачи, декодирования, хранения и рецепции информации; объемность коммуникативному пространству придают знаковые каналы (семантика, прагматика, синтактика); в процессе кодирования с «участием» знаковых каналов формируется сообщение для передачи адресату по поводу определенного события, образуя тем самым коммуникативное событие; в момент достижения адресата сообщение пусто (как означающее, имеющее форму и определенный смысл); именно в процессе рецепции другим участником коммуникации сообщению могут быть приписаны самые разнообразные значения (создается означаемое); в этот момент формируется окончательная интерпретанта, которая представляет собой, с одной стороны, результат, с другой — определенное правило поведения; как *результат* окончательная интерпретанта изменяет наше поведение и нашу деятельность; как *правило* окончательная интерпретанта

становится оператором, определяя инструменты и социальные институты управления, что дает начало новому кругу семиозиса.

Как утверждал М. Фуко, политическое тело — это совокупность материальных элементов и техник, служащих оружием, средствами передачи, каналами коммуникации и точками опоры для отношения власти и знания. Отношение к знаку имеет принципиальное значение при анализе «политического тела», т.е. антропологического выражения власти. В процессе рецепции информации происходит «приписывание» новых значений в коммуникативных действиях, тем самым формируется новое «политическое тело» власти. Окончательная интерпретанта в этом случае как *результат* формирует «образец для подражания», модель, которой следуют, переделывая собственное тело и образ мысли, конструируя себя. Окончательная интерпретанта создает моду и стереотипы, которые унифицируют человека и которые, говоря языком семиотики, восполняют дефицит означающих, продолжая осуществлять контроль над этими семиотическими процессами.

Без сомнения, наиболее универсальной манипулятивной категорией всегда признавалось формирование и распространение образов. Суть ее в том, что в зависимости от целей и конкретных задач формируются и распространяются заранее «сконструированные» образы, или имиджи, конкретных лиц, фирм и организаций, идей, программ, товаров и т.п., которые, как правило, неадекватно отражают реальные существенные их характеристики и, таким образом, дезориентируют людей, на которых направлено информационно-психологическое воздействие. Общественные коммуникации сегодня — это место жесткого социального противостояния и реализации властных амбиций отдельных общественных образований. Проблема манипулирования личностью, человеком, его сознанием и поведением неоднократно ставилась в XX в. Она рассматривалась в рамках работ, посвященных философским, социологическим и психологическим аспектам политики и права, развития общества, индивидуальной и общественной психологии. Сегодня признается, что манипулирование личностью, использование различных средств и технологий информационно-психологического воздействия на людей стало достаточно обычным явлением

в повседневной жизни, в экономической конкуренции и политической борьбе.

В процессе открытого обсуждения деструктивных коммуникаций философское сообщество инициирует конструктивные (созидательные) коммуникативные практики, направленные на преодоление разрушительных последствий манипуляций. При этом философские коммуникации становятся такой разновидностью социального взаимодействия, которые выполняют сдерживающую функцию в этой полемике. Исследование манипулятивных коммуникативных практик способствует выработке методов активного противодействия им, разработке этических принципов, а впоследствии и соответствующих институтов, сдерживающих манипуляции и негативные последствия от их применения. Понимание структуры коммуникативного пространства и знание механизмов управления им — это первый шаг к формированию методологических оснований разработки психологической защиты личности и необходимое условие безопасности в социальном взаимодействии, в различных межличностных коммуникативных ситуациях.

Исследования проводились при поддержке гранта РФФИ № 04-06-80192.

Литература

1. *Апель К.-О.* От Канта к Пирсу: семиотическая трансформация трансцендентальной логики // Трансформация философии. М.: Логос, 2001.
2. *Бел М., Брайсен Н.* Семиотика и искусствознание // Вопр. искусствознания. 1996. Т. IX. № 2. С. 521—559.
3. *Курдюмов С.П., Князева Е.Н.* Козволюция сложных социальных структур: баланс доли самоорганизации и доли управления // Стратегии динамического развития России: единство самоорганизации и управления: Материалы 1-й науч.-практ. междунар. конф. Т. 1. М.: Проспект, 2004.
4. *Мелик-Гайказян И.В.* Информационные процессы и реальность. М.: Наука; Физматлит, 1998.
5. *Мелик-Гайказян И.В., Мелик-Гайказян М.В., Тарасенко В.Ф.* Методология моделирования нелинейной динамики сложных систем. М., 2001.
6. *Мелик-Гайказян И.В.* Методологические основания создания обобщенной модели коммуникации // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер. Гуманитарные науки (философия и культурология). 2006. Вып. 7. С. 37—43.
7. *Мелик-Гайказян И.В.* Информация и самоорганизация. (Методологический анализ). Томск, 1995.
8. *Мелик-Гайказян И.В.* Методология моделирования структур элитного образования // Высш. образование в России. 2006. № 10.
9. *Миф, мечта, реальность: постнеклассические измерения пространства культуры* / Под ред. И.В. Мелик-Гайказян. М.: Научный мир, 2005.
10. *Нёт В.* Чарльз Сандерс Пирс. Критика и семиотика. 3—4/ 2001.
11. *Пригожин И., Стенгерс И.* Время. Хаос. Квант: Пер. с англ. М.: Изд. группа «Прогресс», 1999.
12. *Рикер П.* Герменевтика и метод социальных наук // Герменевтика. Этика. Политика. М.: Academia, 1995. С. 3—19.
13. *Тухватулина Л.Р.* Принципы классификации моделей коммуникации // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер. Гуманитарные науки (философия и культурология). 2006. Вып. 7. С. 49—53.
14. *Успенский Б.А.* История и семиотика // Избр. тр. М., 1994. Т. 1.
15. *Эко У.* Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике / Пер. с итал. Шурбелева. СПб.: Академический проект, 2004.
16. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 2004.
17. *Эко У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С.Д. Серебряного. СПб.: Симпозиум, 2005. 502 с.
18. *Экономика рекламы* / Под ред. И.В. Мелик-Гайказян. Томск, 1999.